

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	9
1. Дедушка.....	12
2. Клетка за клеткой.....	23
3. Первая кровь.....	37
4. Лишние.....	61
5. Лучшее в нас	76
6. Битцевский лес.....	96
7. В поисках надежды	125
8. Время экспериментов.....	144
9. Ручка	161
10. Выжившие.....	182
11. Перерыв.....	196

12. Потому что человеку нужен молоток	217
13. «Золотой Велес»	227
14. Во всем виноваты женщины.	239
15. Арест	253
16. Психологический портрет	266

*Рано или поздно лишними станут все.
Я просто не люблю людей. Они злые... Вы злые...*

Александр Пичушкин

*Имена многих людей,
чья история вошла в книгу,
изменены.*

ПРОЛОГ

2001 г. Москва

— Вы помните мою собаку? — заплетающимся языком спросил Александр Пичушкин у двух мужичков лет тридцати, которые пытались открыть большую пластиковую бутылку крепкого пива, купленную на последние пятьдесят рублей. С одним Пичушкин когда-то учился в ПТУ, парень постоянно занимал у него до стипендии, а со вторым они работали в одном супермаркете на соседней улице. Александр, шатаясь, поднялся на две подъездные ступеньки и, ухватившись за железную дверь, повторил: — Помните мою собаку?!

— Помним, помним, иди уже отсюда, — отмахнулся один из выпивох, после чего открыл наконец бутылку и, с сожалением посмотрев на горлышко, все же стал разливать напиток по стаканчикам.

Пичушкин пробормотал что-то невнятное, но его уже никто не слушал. Дверь подъезда захлопнулась, раздался глухой грохот. Очевидно, Александр упал, пытаясь подняться к лифту.

— Всегда ненавидел его псину, хорошо, что сохла-таки, гадила повсюду только. О людях нужно заботиться, а собак — отстреливать, чтобы на детей не нападали, — проворчал второй собутыльник.

На улице было солнечно, во дворе никого. Компания, холодное пиво и лавочка со спинкой, на которую можно откинуться, — вот и все, что им сейчас было нужно.

— Это тот лохматый черный спаниель, который на всех бросался? — спросил первый парень. Его приятель кивнул и счастливо зажмурился от яркого солнца, пробивавшегося сквозь ветки деревьев. — Я этого кобеля дважды потравить пытался, живучий, как крыса, был, только ноги отнялись, а так — хоть бы что. Он на мою Машку нагавкал, когда жена ее на санках везла. Хотел тогда прибить шавку, но этот придурок влез. Решил не связываться.

— Травить не вариант. Это подло. Хочешь помочь и очистить город, чтоб на дочку не напали, — бери пистолет и отстреливай. Это честная охота, а травить подло, — со знанием дела проговорил второй.

— И много у тебя пистолетов под кроватью? Жена знает?

— А жене и не надо знать! Бабам такое не понять, они сразу визжать начинают. Жена ж не сечет: если собак не отстреливать, они расплодятся, собьются в стаи и на людей будут охотиться. Животные же, ничего не соображают...

Пока шла беседа, опять послышался какой-то грохот. В дверях показался Пичушкин, но на этот раз у него в руках была деревянная коробка с шахматами. Он выглядел еще более пьяным и взъерошенным, чем когда заходил в подъезд. Мужчина обвел мутным взглядом по-летнему пустой двор, деревья возле дома, клумбу с цветами и снова уставился на своих знакомых, расположившихся на лавочке. Те заметно стушевались при виде Александра, которого все считали «нормальным, но туповатым и опустившимся парнем». По крайней мере, жены подвыпивших приятелей обычно именно так о нем отзывались, хотя чем именно Пичушкин был хуже их мужей, женщины толком объяснить бы не смогли.

Александр смотрел на них явно дольше, чем это принято у соседей, мало знакомых друг с другом, если хочешь оставаться в рамках приличий. Сидящим на лавочке стало не по себе — то ли от этого взгляда, то ли от коробки с шахматами, которая их всегда раздражала. Они помнили, как Пичушкин, еще сопляк, садился играть с их дедами, будто знание правил делало его лучше других.

— Сыграем? — полутвердительно выдавил из себя Пичушкин, раскладывая на лавочке шахматную доску и расставляя фигуры.

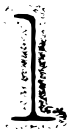
— Да не люблю я эту чушь с играми, не маленькие уже, — скривился бывший сокурник, но все же сделал ход, которым, как он знал, нужно начинать партию.

Александр моментально передвинул фигуру, хотя ему с большим трудом удалось попасть в пределы клетки. Его соперник, вспомнив что-то, шагнул пешкой в ответ. В следующую минуту Пичушкин усмехнулся, переместил по диагонали ферзя и сказал:

— Мат. Не попадай в ловушку на чужой доске и не давай расписки, если не собираешься платить. Помнишь?

— Помню-помню, — поморщился парень, который был уже не рад тому, что они с приятелем выбрали эту злополучную лавочку.

— Собаку мою, спрашиваю, помнишь?..

ДЕДУШКА

1976–1988 гг.

Район Зюзино находится на юго-западе Москвы. В 1960-х годах в этих местах выросли стройные ряды бело-желтых пятиэтажек, в которых давали квартиры в основном рабочим близлежащих производств. Поначалу новоселы верили, что будет здесь настоящий город-сад с высокими домами, красивыми детскими площадками, школами и магазинами. Когда же спустя много лет все это действительно появилось, никто уже ни во что не верил.

В 1976 году Наталья Пичушкина вместе с двухлетним сыном переехала к отцу в квартиру на пятом этаже дома № 2 по Херсонской улице. Молодая женщина поселилась в большой комнате, а мальчик очень скоро перебрался к дедушке. Хмурый мужчина целыми днями сидел дома и смотрел то в окно, то в экран телевизора. Иногда ему казалось, что где-то там за стеклом протекает настоящая жизнь, что-то происходит и меняется. В квартире же на Херсонской никогда ничего не происходило, все только тихонько разрушалось в ожидании неизбежного конца. Дед Александра Пичушкина Эльмурад тяжело переживал смерть жены, но, будучи человеком стой-

ким и сдержанным, предпочитал справляться с хандрой общепризнанным народным методом — водкой. Его дочь вскоре во второй раз вышла замуж и тут же забеременела. Когда у еще юной Натальи родилась дочь, она окончательно утратила интерес к делам сына. Мальчик любил сидеть вместе с дедушкой перед телевизором, никогда не хулиганил и никаких проблем не доставлял. У женщины было полно своих забот: новый муж запил, денег катастрофически не хватало, и ее благоверный стал нервным и агрессивным. По вечерам мужчина устраивал скандал, а наутро жена со свежим синяком под глазом сообщала ему, какое он ничтожество. Пару раз Эльмурад пытался вразумить зятя, но потом бросил эту затею, поняв, что никому его защита не нужна. Похоже, его дочери нравилось жить как на пороховой бочке. Чужая душа потемки, да и вообще пожилой мужчина давно чувствовал себя лишним в семье. Разве что он занимался воспитанием внука и от этого хоть немного ощущал собственную нужность.

Эльмурад вместе с женой долго обустраивал эту квартиру. С диким трудом им удалось «получить» чехословацкую стенку для гостиной, потом в доме появились цветной телевизор и ковры — подарок от родственников из Казахстана. На кухне повесили простые белые шкафчики из ДСП, которые нетрудно было купить в магазине. А вот за столом пришлось побегать. Впрочем, это было в первые годы после новоселья. Теперь же все постепенно тлело и разрушалось. Дверка кухонного шкафчика слетела с петель, но ее никто даже не думал чинить. Скатерть давно пришла в негодность, но поменять ее никому не приходило в голову. Наталья с мужем никогда ничего не старались здесь изменить, для них эта квартира всегда оставалась чужой, а Эльму-

рад не находил в себе сил взять все в свои руки. Да и Наташа выступала против, когда отец что-то начинал менять: она закатывала истерику и требовала, чтобы с ней такие вопросы обсуждали, ведь это и ее квартира тоже.

Зимой Эльмурад вместе с внуком коротал время перед громоздким цветным телевизором в своей маленькой двенадцатиметровой комнате, а летом выходил с Сашей во двор, чтобы сыграть с кем-нибудь из соседей в шахматы и выпить. Мальчик в это время предпочитал торчать на лавочке рядом с дедом.

ОН ВСЕГДА ЛЮБИЛ СИДЕТЬ СО СТАРИКАМИ ЗА СТОЛОМ. ЕМУ С НИМИ БЫЛО ИНТЕРЕСНО. В ДЕТСТВЕ С РОВЕСНИКАМИ РЕДКО ИГРАЛ. КОГДА СТАЛ ПОСТАРШЕ, ВСЕ БОЛЬШЕ ОДИН ГУЛЯЛ, НО ПОТОМ СНОВА СТАЛ САДИТЬСЯ ЗА СТОЛ К СТАРИКАМ, ОН ЛЮБИЛ ИХ СЛУШАТЬ. САМ В РАЗГОВОРАХ РЕДКО ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ.

Из показаний Натальи Пичушкиной

— Что ты здесь все сидишь, иди поиграй с детьми, — раздражался Эльмурад, когда замечал, что внук уже который час околачивается вместе со взрослыми и вроде бы даже кто-то из соседей ему ради шутки стопку налил. — Иди, кому сказал.

Саша понуро шел в сторону детской площадки между двумя пятиэтажками. Летом здесь почти никогда никого не было. Мальчишки постарше предпочитали проводить время за гаражами или на трубах теплотрассы, а малышей обычно развозили по дачам. В тот день ему встретился такой же неприкаянный, как он, паренек, с которым они, накатавшись с горки, принялись изучать предельные возможности качелей.

— Аккуратнее там, — периодически выкрикивал Эльмурад, раздумывая над очередным шахматным ходом, но внук вряд ли его слышал. Да и говорил это мужчина больше для собственного успокоения, чем из беспокойства.

Новый знакомый со всей силы толкал железные качели, а Саша подзадоривал его:

— Давай еще, говорю! Я видел, как тут «солнышко» крутили!

Приятель уже со злостью ловил качели и яростно запускал их в небо. В какой-то момент раздался стук. Поручни наткнулись на ограничитель. Саша не ожидал такого подвоха, поэтому не такой уж сильный толчок буквально выбил его с перекладины. Мальчик пролетел несколько метров и врезался лбом в деревянный бортик песочницы. Мир померк.

Когда Саша открыл глаза, вокруг него уже собрались люди. Эльмурад с тревогой осматривал внука, а его товарищи наперебой давали советы, как лучше поступить.

— Я ж говорил, что все нормально будет, а ты все: «Головой ударился, головой», — облегченно хлопнул Эльмурада по плечу сосед из квартиры этажом ниже. — Ну, скажи, как тебя зовут?

— Шаса, — ответил мальчик, приподнимаясь на локтях. Его новый знакомый был уже далеко: он бежал чуть ли не в ту же секунду, когда Сашу выбило с качелей.

— Ну-ка повтори, — насторожился Эльмурад.

— Саса, — с испугом, который обычно маскируют раздражением, повторил внук.

Эльмурад выругался и попросил соседа подвезти их в больницу. Тут было что-то не так. Ребенок никогда до этого не шепелявил сильнее других,

а зубы вроде не выбиты. Врачи похвалили за оперативность, но так и не смогли ничем помочь. Неделю мальчика продержали в больнице, сделали снимки, взяли все необходимые анализы, перебинтовали голову и выписали. Спустя семь дней Саша все также путал «ш» и «с». Медики сказали, что, может, все пройдет завтра, а может, это и надолго. Есть вероятность, что афазия останется навсегда. Падение что-то подвинуло в детском мозге, и две буквы — «с» и «ш» — слились в одну. В качестве лечения предложили отправить ребенка в логопедический класс. Впрочем, врачи предупредили, что логопед тут мало чем может помочь, невропатолог был бы полезнее.

— ...Да успокойтесь вы, от шепелявости еще никто не умирал, — с явной досадой в голосе произнесла женщина-травматолог.

— Мог бы певцом стать или актером, — пробормотал Эльмурад, забирая ребенка. Ему было неприятно находиться в больнице. Хотелось поскорее оказаться в своей комнате с телевизором и шахматной коробкой на подоконнике.

— Если мог, значит, станет. Выправится это все, не переживайте. — Травматолог с облегчением махнула рукой и подтолкнула мальчика к деду.

Ничего не выправилось ни на следующий день, ни даже к концу лета. Муж Натальи полюбил подшучивать над шепелявостью пасынка. Из-за этого отчим и дед даже чуть не подрались. Эльмурад чувствовал вину за этот инцидент, поэтому каждый раз, когда кто-то акцентировал внимание на особенности внука, сильно раздражался. Поначалу дедушка сам пытался научить ребенка заново выговаривать звук «с», а потом потребовал от дочери, чтобы та записала ребенка в логопедический класс. Наталья

совершенно не горела желанием со всем этим возиться, но после нескольких скандалов все же пошла выяснять, остались ли места в специальной группе. Место для Саши нашлось, но беда была в том, что он не имел проблем с произнесением звуков «ш» и «с», он просто не слышал и не понимал разницы между ними. Впоследствии выяснилось, что Саша и на письме не различает эти буквы, поэтому легко может написать «штул» или «скаф». Учительница частенько зачитывала перлы из особенно плохих работ учеников, и Пичушкин стал ее излюбленным объектом насмешек. Не имело значения, сколько ошибок он допустил в диктанте, в его работе всегда можно было найти пару смешных и глупых ляпов.

В конце четверти на родительском собрании учительница сообщила, что Пичушкин показывает худшие результаты по русскому языку и его бы имело смысл отправить в спецшколу или интернат. Узнав об этом, Наталья картинно взмахнула руками, но уже в следующую минуту вдруг сказала:

– Может, для него так будет лучше. Я ведь не специалист, а ему особые условия нужны.

Дома Эльмурад выругался и запретил дочери даже думать об этом. Старик взглянул на стоящую на столе бутылку водки, затем перевел взгляд на металлический чайник со свистком, налил себе чаю и ушел к себе. На кровати сидел притихший Саша, который слышал последнюю часть разговора. Он ждал, что дедушка начнет ругаться или даже даст затрещину, как иногда бывало. Вместо этого мужчина, ворча что-то себе под нос, поставил на тумбочку чашку так, что из нее выплеснулось немного кипятка, подошел к окну и взял с подоконника шахматы.

Эльмурад раскрыл деревянный короб и стал бережно доставать фигуры.

— Садись, будем в шашки учиться играть, а потом и к шахматам перейдем, понял?

— Клетка за клеткой? — спросил мальчик, с интересом наблюдая за тем, как дедушка обращается с деревянными фигурами.

— Клетка за клеткой, — улыбнулся старик.

* * *

Каждый день дедушка играл с внуком в шашки, и вскоре Саша уже с легкостью обыгрывал соперника. Эльмурад считал, что шашки помогут мальчику догнать сверстников в школе, но это занятие оказывало совсем другое воздействие. Саша впервые в жизни чувствовал себя кому-то нужным и стремился играть еще лучше, чтобы вырасти в глазах дедушки. Эльмурад же, не замечая того, действительно шаг за шагом возвращался к жизни. Спустя пару месяцев он уже больше не выглядел вековечным стариком и превратился в того, кем и являлся: пятидесятилетним мужчиной, уставшим от многолетнего труда, но не утратившим цепкого ума и умелых рук.

По вечерам Наталья устраивала мужу скандал, а потом к этим крикам примешивался плач их маленькой дочки. Вскоре приходил сосед снизу, который уставал все это слушать, и очень просил хотя бы закрыть балкон на кухне, чтобы было не так слышно. Иногда все заканчивалось примирением и закрытой балконной дверью, а иногда — дракой на лестничной клетке с последующим вызовом милиции стараниями бдительной соседки. Саша и Эльмурад в это время играли в шашки и старались пореже покидать свою комнатушку.

ОН ВСЕГДА БЫЛ ОЧЕНЬ ТИХИМ И СПОКОЙНЫМ РЕБЕНКОМ, ДАРИЛ МАТЕРИ ПОДАРКИ НА РАЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ. ВООБЩЕ, ОН ОЧЕНЬ ПРИВЯЗАН БЫЛ К МАТЕРИ, ОСОБЕННО В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ. ОНИ РУГАЛИСЬ ПОСТОЯННО, НО ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО САША ОЧЕНЬ ЗАВИСЕЛ ОТ ЕЕ МНЕНИЯ.

Из показаний сестры Пичушкина Екатерины

Чтобы приучать ребенка к спорту, Эльмурад купил в универмаге специальную деревянную палку и крепежи, позаимствовал у соседа дрель и установил в кладовке турник для внука. Раньше это место Наталья использовала в качестве чулана, но с этих пор два квадратных метра целиком и полностью принадлежали Александру. Наличие собственной, пусть и очень маленькой комнаты настолько воодушевило мальчика, что тот вскоре уже безо всякого напоминания дважды в день шел к домашнему турнику и подтягивался, чтобы летом выйти во двор и всех поразить.

Постепенно оценки у Саши действительно улучшились. Может, шашки помогли, а может, то, что дедушка стал регулярно проверять дневник внука. Пичушкин все так же часто путал «с» и «ш» и в речи, и на письме, поэтому по русскому языку у него никогда больше тройки в четверти не выходило, но вот по математике, чтению и другим предметам даже четверки и пятерки стали проскакивать. Наталью с мужем и их дочкой он воспринимал примерно как соседей по коммунальной квартире: досаждают самым фактом своего существования, но сделать с ними ничего нельзя. Единственным человеком, которому было не наплевать на Пичушкина, долгое время был дед, но потом исчез и он.

Вскоре Эльмурад стал общаться с некоей миловидной женщиной в возрасте. Дама носила цвета-

стые платья и перебарщивала с ярким макияжем, однако всегда появлялась в их квартире в Зюзино с разнообразными сладостями, и поэтому ее принимали радушно. Саша с подозрением наблюдал за тем, как женщина без конца хлопочет, чтобы угодить Эльмураду. Самые плохие подозрения мальчика вскоре оправдались. Оказалось, бабушкина знакомая приехала на несколько месяцев из Алма-Аты погостить у дочери, помочь ей с ребенком, а заодно посмотреть столицу. К Кремлю женщина действительно один раз съездила, но все остальное время провела в лабиринте пятиэтажек рядом с метро «Каховская». Здесь же она познакомилась с Эльмурадом и сейчас, когда пришла пора уезжать, предложила ему последовать за ней.

— Здесь ты все равно только мешаешь всем. Молодым нужен простор, а в Казахстане и теплее, и места нам будет больше, — убеждала она.

Эльмурад устал без конца чинить протекающий унитаз, привинчивать ручки к шкафам, которые дочь с зятем отрывали с завидной регулярностью. Он чувствовал себя лишним в собственной квартире и так отчаянно искал повод, чтобы из нее уйти, что даже запил. Переезд в Алма-Ату — солнечный город высоких гор и огромных яблок — в такой ситуации вовсе не казался чем-то безрассудным. Почему бы не перебраться туда хотя бы на несколько месяцев, а если не понравится, всегда можно будет вернуться.

— Да что ты на Сашу своего все время смотришь? С матерью всегда лучше, — злилась женщина. — В крайнем случае заберем его потом, когда обустроишься.

Эльмурад слушал ее и понимал, что она во всем права. Он с сожалением разглядывал нажитое за жизнь: несколько стопок книг, тахту и коробку

с шахматами на подоконнике. Последнюю было особенно жалко — не коробку, конечно, но своих соперников по игре, коих в Зюзине за эти годы набралось чуть ли не под сотню. Ну и внука было тягостно оставлять. В шашки паренек уже лучше него играл, а вот в шахматах пока еще был слабоват.

Дедушка собрал два скромных чемодана и, прежде чем отправиться на железнодорожный вокзал, наказал внуку:

— Не скучай! Чтобы к моему приезду все книги в комнате перечитал и мог обыграть меня в шахматы.

Мальчик кивнул и пошел в комнату, которую теперь с полным правом мог считать своей.

Я ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ЧУЖИМ. А Я ЖИВОЙ БЫЛ, Я ПРАЗДНИКА ХОТЕЛ. А МЕНЯ ВСЕ ОТПАЛКИВАЛИ.

АЛЕКСАНДР ПИЧУШКИН

Несколько месяцев Саша действительно жил в собственной комнате, где, правда, отчим повадился складировать пустые бутылки для сдачи в пункт стеклотары. Однако когда наступил май, выяснилось, что мальчик большую часть четверти прошлялся по району. Как следствие, по трем предметам в четверти могли поставить «неудовлетворительно».

— Давайте все-таки начистоту. Никому не нужны проблемы. Саша — слабый ученик, программу не тянет. Вот посмотрите его последний диктант. Ошибка уже на первой строчке. Если переведете ребенка в спецшколу, нарисуем ему тройки по всем предметам, и дело с концом, — предложила Пичушкиной директор школы. Женщина безропотно кивнула. Ей и в голову не пришло спорить. Раз знающий педагог говорит, значит, так оно и есть.

— А что хорошего в интернате? Дома-то лучше, — протянул старик, с которым Эльмурад обычно часами играл в шахматы. — За маминой юбкой оно всегда лучше, а в интернате мужика из него сделают, — отрезал мужчина.

Вечером Наталья устроила сыну страшный скандал. Несколько часов подряд Александр слушал о том, как он всех подвел и особенно дедушку, ведь только «в старую и больную голову могла прийти мысль о том, что этот мальчишка хоть на что-то годен».

— ...Посмотрите на него!

Вместо того чтобы стараться больше всех и учиться, раз такой тупой, он просто прогуливал! Ты понимаешь, что теперь мне придется отдать тебя в интернат? Я не хотела, но ты просто не оставил мне выбора, — подытожила мать свой многочасовой спич.

На следующий день Саша вышел во двор и уселся на лавочку рядом с мужчинами, которые теперь играли в шахматы и шашки без его дедушки. Какое-то время мальчика предпочитали не замечать, а потом кто-то все же спросил, что у него случилось и почему он такой мрачный.

— Дедушка уехал, меня в интернат сдают за плохую учебу, — предельно четко и конкретно доложил ребенок.

— Ну и что? Ну интернат, и что с того? Там люди тоже живут. У меня сын в таком учится, брат его оканчивал, сейчас вот в ПТУ пошел, чем плохо?

— А что хорошего в интернате? Дома-то лучше, — протянул старик, с которым Эльмурад обычно часами играл в шахматы.

— За маминой юбкой оно всегда лучше, а в интернате мужика из него сделают, — отрезал мужчина.

КЛЕТКА ЗА КЛЕТКОЙ

— Что это там у тебя? Фонарик? Отдал быстро, — скомандовала учительница школы-интерната, застукавшая его с этим чертовым фонариком в туалете.

— Он не мой, — начал было оправдываться Пичушкин.

— Конечно, не твой. Тут нет ничего твоего! Устроишься на работу, будешь покупать себе вещи, а сейчас ты никто и звать тебя никак, — согласилась учительница и попыталась выдернуть из рук мальчика электродинамический черный фонарик. Эту штуку ему подарил дедушка, а ее постоянно пытались отобрать: сначала интернатские ребята постарше, теперь эта злобная уродливая тетка, которая без конца издевалась над воспитанниками. Женщина крепко ухватила за рукоятку фонарика, но подросток со всех сил сжал дедовский подарок и с криком бросился на свою обидчицу. Учительница охнула и упала, а спустя час Александр уже сидел в кабинете директора и ждал вердикта, который должен был вынести педагогический состав школы. По коридорам интерната тонкими струйками поползли слухи о бешеном парне, к которому лучше не подходить.

Директор школы сказал, что новеньких нужно перевоспитывать, а не наказывать, поэтому исключать ученика через пару дней после поступления никто не будет. Учительницу, попытавшуюся отобрать фонарик, лишили премии, и отныне у нее появился в интернате личный враг. Она задалась целью не выгнать, но сломать Пичушкина. Перевоспитать так, чтобы мало не показалось, чтобы даже мысли не возникло перечить взрослым, чтобы по первому требованию все отдавал, не задумываясь. Отныне каждый урок педагог считала своим долгом поиздеваться над его манерой говорить или над глупыми ошибками в тетради, то и дело намекая на общую недоразвитость Саши. Механизм буллинга всегда работает одинаково. Учитель или другой взрослый задает тренд и негласно одобряет издевательства, а дальше уже дети начинают соревноваться в жестокости. Нередко из желания порадовать начальство к преследованию присоединяются и подчиненные. Так случилось и в этот раз.

Я БЫ НЕ НАЗВАЛ ЕГО АГРЕССИВНЫМ, ХОТЯ НЕКОТОРЫЕ ТАК И СЧИТАЛИ, НО БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ ОН БЫЛ СПОКОЙНЫМ ПАРНЕМ, НИЧЕМ НЕ ВЫДЕЛЯЛСЯ. ЕСЛИ НАЧИНАЛАСЬ ССОРА, ОН, КОНЕЧНО, ЗВЕРЕЛ, НО ЭТО ЕСТЕСТВЕННО ДЛЯ ПОДРОСТКА. В ТАКОМ БЕШЕНОМ СОСТОЯНИИ ЕГО МАЛО КТО МОГ УДЕРЖАТЬ, ОН БЫЛ СПОСОБЕН И ЧТО-ТО ДИКОЕ СДЕЛАТЬ. ПОВТОРЮСЬ, ВПАДАЛ В ЯРОСТЬ ОН РЕЖЕ ДРУГИХ, НО ВОТ ОСТАНОВИТЬ ЕГО В ТАКОМ СОСТОЯНИИ БЫЛО СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ, ВМЕСТЕ ВЗЯТЫХ.

Из показаний одноклассника
Александра Пичушкина

тельные учреждения столицы, но на деле он походил на школу не больше, чем тюрьма, колония или детский дом. Сюда попадали дети с дефектами дикции, сложностями в обучении и проблемным поведением, но так или иначе всех воспитанников объединяло одно: они были не нужны родителям. Помучившись какое-то время с трудным ребенком, семья приходила к выводу, что государство с воспитательной функцией справится лучше, и отдавала чадо в спецшколу с пятидневной учебной неделей. Обычно поначалу родители вечером пятницы забирали сына или дочь до понедельника. Спустя месяц они уже приезжали в субботу и отдавали подростка вечером воскресенья, чтобы тот не опоздал на первый урок. Потом многие уже и вовсе забывали увозить детей на выходные, и только гневные звонки сотрудников интерната напоминали людям о том, что у них есть ребенок. С Александром все это случилось быстрее, чем с другими. Уже через пару месяцев мать увидела, что за сыном следят, его учат, воспитывают и лечат лучше, чем можно было себе представить. О чем еще мечтать? Дома у нее муж, дочь и слишком мало жизненного пространства для уже взрослого сына.

* * *

— ...Она попыталась отобрать у меня фонарик, понимаешь? Тот самый, который дедушка подарил, — сжав кулаки, чтобы сдерживать рвущуюся изнутри ярость, рассказывал Александр, когда мать приехала по настоянию педагогического состава в интернат, чтобы забрать его на выходные.

— Зачем тебе фонарик в школе? Сказали отдать — значит, нужно отдать, вечно ты мне проблемы придумываешь, — с плохо скрываемым раздражением говорила женщина, которой было совершенно не интересно, что там случилось с фонариком. Конечно, педагоги правы, а сын — ошибается. Он вообще ребенок, он только ошибаться и умеет, весь в отца пошел...

Дома Сашу ждал неприятный сюрприз. На его месте в маленькой комнате теперь спал брат отчима, а ему досталась кровать, принадлежавшая дедушке.

— Не смей даже садиться на мою кровать, понял? — прошипел подросток, увидев незваного гостя.

— Да, конечно, без проблем, малой, — прогундосил мужчина, переворачиваясь на другой бок.

Он даже не пытался услышать, что там говорит мальчишка, так как всю ночь разгружал вагоны и теперь ему хотелось уснуть, умереть или выпить. Ни о чем другом думать не получалось. На следующий день мужчине пришлось отбиваться от Саши, который набросился на него с кулаками, застав сидящим на кровати деда.

Через пару дней Александр вернулся в интернат, и больше никто не мешал мужчине сидеть на том месте, которое ему нравится. Пичушкин снова очутился в комнате, где на десятке двухэтажных кроватей спали воспитанники. Здесь все подчинялось раз и навсегда установленным правилам и законам. Старшие били младших, сильные изводили слабых, богатые покупали дружбу бедных. Последний вариант Александр просек сразу. Когда он только приехал в заведение, оказалось, что за все придется платить. Многие советские люди считали, что карманные деньги детям не нужны, поэтому Наталья

никогда не давала сыну ни рубля. А теперь вдруг выясняется, что требуется срочно внести какую-то плату за месяц.

— Мать сказала, что передаст с тобой! За воровство хочешь в тюрьму пойти? — верещала классная руководительница.

До этого Пичушкину кое-как удавалось существовать на выклянченные у отчима копейки, но заплатить за целый месяц он точно не мог. Учительница пригрозила ему колонией, если он не принесет к завтрашнему дню деньги, которые ему передала мать. В то, что Наталья забыла об этом или у нее попросту не хватало средств, педагог верить отказалась категорически. Саше пришлось обратиться за помощью к старшекласснику. Тот ухмыльнулся, вынул из школьной сумки тетрадку, вырвал из середины двойной лист и положил его вместе с ручкой перед Пичушкиным.

— Пиши: я, такой-то, добровольно ухожу из жизни. В моей смерти прошу никого не винить. Число. Подпись, — приказал парень.

— Зачем мне это писать? — поразился Саша.

— За деньги, — фыркнул начинающий ростовщик. — Не вернешь — расписка мне пригодится.

Саше пришлось нацарапать продиктованные старшеклассником слова, чтобы принести на следующий день учительнице деньги. Вскоре он вернул долг тому парню, а урок усвоил надолго: за деньги можно купить дружбу, верность и, в конце концов, жизнь. Это открытие показалось ему крайне любопытным. Правда, денег у него не водилось, но их можно было добыть. Например, встать у метро и кланчить «на мороженое», обчистить карманы родственников, собрать и сдать бутылки или помочь кому-нибудь с переездом. Саша считал

унизительным побираться и омерзительным воровать. Число вариантов заработка из-за этого сильно сокращалось, но у подростка все равно сохранялось

— Пиши: я, такой-то, добровольно уйду из жизни. В моей смерти прошу никого не винить. Число. Подпись, — приказал парень.
 — Зачем мне это писать? — поразился Саша.
 — За деньги, — фыркнул начинающий ростовщик. — Не вернешь — расписка мне пригодится.

четкое убеждение: деньги можно добыть, если постараться. Так и вышло. Всякий раз, когда кому-то из соседей в их доме нужно было перенести что-то или куда-нибудь сбегать, Саша всегда соглашался помочь за небольшую плату. К парню из-за этого стали хорошо относиться и иногда платить даже больше, чем он рассчитывал. Пару раз приезжал дедушка Эльмурад и оставлял внуку немного

денег на карманные расходы. Все добытое Пичушкин обычно тратил на друзей, считая, что если они будут ему должны, то это гарантирует их верность. Стратегия никогда не работала, но то, что человеку верность не свойственна, он окончательно понял только после получения аттестата. Ничто так не пробуждает черные чувства, как обязанность быть благодарным.

В интернате училось много детей из семей алкоголиков. Таких ребят сдавали сюда, только чтобы органы опеки не возмутились. К этим воспитанникам родственники не приезжали вовсе, у них никогда не было денег и личных вещей.

— Сбегаем в ларек за булочками? — спросил однажды Александр у одного из новоприбывших. Мальчик весь день просидел в углу коридора и, казалось, боялся даже смотреть на окружающих.

Все воспитанники то и дело сбегали «за забор», но в тот день никто не согласился присоединиться к Пичушкину, поэтому он обратился к новенькому. Мальчик еще сильнее вжал голову в плечи и покачал головой.

– Денег нет? – ухмыльнулся Александр. – Пойдем, я плачу.

Парнишка в нерешительности стал озираться по сторонам, но здесь не было никого, кто мог бы подсказать ему правильный ответ. В таких ситуациях человек обычно повинуется приказу, так как просто не видит другого варианта.

День за днем Александр учился жить по правилам интерната, все больше вникая в тонкости человеческих взаимоотношений. В этой своеобразной системе сотрудники заведения были врагами, а те, кто с ними сотрудничал, – крысами. В основном к числу «грызунов» относились девочки. Они жили в другом блоке, стремились хорошо учиться и всеми силами старались понравиться учителям. Крысы. Что с них взять? Слабый пол. Они биологически к сопротивлению неспособны. В крыле мальчиков героем считался тот, кто сумел не подчиниться. Не подчиняться проще всего было путем систематического невыполнения домашних заданий. Учить что-то, готовиться к урокам значило согнуться и покориться, стать крысой. Да и ради чего? Все выпускники прекрасно понимали, что никуда, кроме ПТУ, они не поступят. Выбирали между двумя училищами, с которыми сотрудничал интернат. Кое-кто из особенно смелых шел куда-то еще. Впрочем, какая разница? Спустя несколько лет все так или иначе будут получать одинаковую зарплату, которой хватит на половину месяца. Оставшиеся две недели придется бегать по друзьям с просьбами «занять до получки» или в поисках подработки.

У КОГО ЕСТЬ ДЕНЬГИ, У ТОГО И ВЛАСТЬ. ЕСЛИ У МЕНЯ ОНИ ЗАВОДИЛИСЬ, Я ИХ ТОЛЬКО НА ВЛАСТЬ И ТРАТИЛ. ЭТО САМОЕ ЦЕННОЕ. ОСТАЛЬНОЕ ЛЮДИ ПОКУПАЮТ, ЧТОБЫ СМИРИТЬСЯ С ТЕМ, ЧТО У ТЕБЯ НЕТ ВЛАСТИ.

АЛЕКСАНДР ПИЧУШКИН

Поскольку интернат носил гордое звание логопедического центра, там действительно работал логопед. Однако каким-то удивительным образом дефекты дикции у детей тут обычно усиливались, а вот трудности в обучении действительно переставали всех волновать, так как никто не требовал от будущих выпускников ПТУ даже более или менее приемлемых знаний в области русской литературы или алгебры. С течением времени уровень всех учащихся выравнивался путем снижения требований к тем, кто еще на что-то был способен. В выпускном классе Александр все так же совершенно не понимал, по какому принципу расставляют запятые в тексте, картавил и, когда нервничал, начинал шепелявить. Большинство детей здесь имели нарушения речи, поэтому Александр не видел в этом проблемы и не хотел что-то исправить. Поступив в училище, Пичушкин заметил, что сокурсники часто отходят от него, едва он начинает говорить, но никогда не связывал это с особенностями своей дикции.

Впрочем, нельзя мазать все черной краской. В интернате работало много учителей, которые искренне хотели научить детей своему предмету, помочь найти место в жизни и реализовать себя, но кому до этого было дело? После училища разберутся, в плотники идти или в электрики. Молодых педагогов, которые стремятся хоть что-то изменить, такая структура быстро ломает или выплевывает с клеймом позора в трудовой книжке.

Учительница литературы отмечала нетривиальные способности Пичушкина к литературе. Всякий раз, когда они проходили на уроке какой-нибудь короткий текст, парень выдавал сложный аргументированный анализ. Конечно, он никогда не прикасался к домашним заданиям, но даже работы на уроке хватало для того, чтобы иногда ставить ему пятерки. До сих пор Пичушкин насмеялся над теми, кто был на хорошем счету у учителей, но теперь вдруг понял, как приятно быть в чем-то лучшим. Если раньше он не стремился получать отличные оценки, то теперь иногда даже стал готовиться к урокам или читать летом что-то из заданной классики. Пару раз на родительских собраниях учительница отмечала успехи подростка в литературе, но мать Пичушкина, слыша такие слова, только усмеялась, а потом еще месяцами припоминала сыну:

– Иди, почитай, ты ж у нас грамотей...

В последние летние каникулы отчим подарил Александру старый, дребезжащий мопед. Для старшеклассника конца восьмидесятых – небывалая роскошь. В провинции на такое чудо еще можно было рассчитывать, но в Москве в большинстве своем родители считали, что разрешать ребенку ездить по дорогам на мопеде неразумно. Все-таки широкие проспекты и шоссе опаснее деревенских дорог. Неудивительно, что на короткое время Александр стал самым заметным парнем в районе. Он с гордостью разъезжал по Керченской и Херсонской, по Балаклавскому проспекту и даже по дорожкам Битцевского леса. Так продолжалось несколько дней, пока компания пьяных рабочих не решила проучить подростка. Они поколотили Пичушкина и отобрали у него мопед, так как сочли, что парень

не заслужил права водить. Домой он вернулся уже без мопеда и сильно избитым. Мать устроила страшный скандал, но подросток лишь закрылся в ванной и несколько часов смывал с себя позор слабости. Как бы он ни занимался спортом, как бы ни подтягивался на турнике, нашлись те, кто сильнее. Ужаснее всего было то, что это произошло в лесу, который Александр всегда считал своим домом. Он знал здесь все дорожки и практически с каждым, кто мог встретиться, был знаком, но не с этими людьми.

К старшим классам Пичушкин имел неплохие оценки по многим предметам, а заодно прочитал кое-что из рекомендованного списка литературы. В его сумке часто лежали книги Достоевского, Булгакова или Набокова. Не все из этого он осилил до конца, но сам факт того, что он начинал их читать, привлекал внимание девушек. Пичушкин к подобному интересу относился с напускным скепсисом. Он привык считать женщин слабым, зависимым подобием человека, уважать которое как-то позорно. С ними нужно вести себя так, чтобы они знали свое место, а то быстро под каблук примнут. Естественно, такая стратегия приносила свои плоды. Поначалу девушки очаровывались спортивным парнем, который к тому же читает книги и любит играть в шахматы. Но вскоре между молодыми людьми возникал по поводу чего-нибудь спор, Александр говорил своей знакомой что-то резкое, и та уходила, демонстративно хлопнув дверью. Так обычно поступают в надежде на то, что кто-то побежит догонять, но Пичушкин никогда не поступал подобным образом. Раз ушла, значит, не хотела общаться дальше. Кто там разберет, по какой причине она хлопнула дверью. Истеричка, как и все.

ЖЕНЩИНА — ОНА КАК АКСЕССУАР, ОНА ДРУГ ЧЕЛОВЕКА.
ЕЕ УБИВАТЬ НЕИНТЕРЕСНО. ОНИ БЫЛИ У МЕНЯ КАК СВЯЗКИ,
КАК МЕЖДОМЕТИЯ.

АЛЕКСАНДР ПИЧУШКИН

Летом 1989 года Александр Пичушкин благополучно сдал выпускные экзамены, получил аттестат о среднем образовании и вернулся в квартиру на Херсонской улице. Здесь все было как прежде. Разве что отчим сменился: теперь его место занял пожилой усатый мужчина, походивший на преподавателя физкультуры в интернате. Новый спутник матери, подросшая сестра, которой требовалось место, чтобы разбрасывать свои вещи, да и сама Наталья были совсем не рады возвращению молодого человека. Александр безвылазно сидел то в комнате, то на кухне, без конца устраивал набеги на холодильник и начинал огрызаться всякий раз, когда его пытались призвать к ответу. За годы учебы в интернате он стал для домочадцев совершенно чужим. Кем-то вроде назойливого друга семьи или дальнего родственника, который как придет, так и не вытуришь. Причем если раньше можно было успокаивать себя тем, что скоро Саша вернется в интернат, то теперь приходилось привыкать к тому, что он больше никуда не уедет.

— Куда поступать собираешься? — спросила его как-то мать, помешивая остро пахнущее варево в огромной кастрюле. Ей не было дела до планов сына, но, раз уж он околачивается на кухне, нужно проявить хоть какое-то внимание.

— Не знаю. В интернате все в ПТУ на Нагорной поступают, а я вот думаю, может, на работу пойти или в школу еще на два года, — искренне ответил сын. Только выпалив эту тираду, он вдруг понял, что

не стоило всего этого говорить, никому не интересно.

— Глупости. Все поступают, значит, так надо. Какая тебе школа? Ученым хочешь быть? Знаешь, сколько сейчас ученые получают? — проворчала женщина. Ей отчего-то было неприятно слышать о том, что там парень думает. Какая школа после интерната? Чему их там учили? Как два и два складывать и по слогам считать?

— Не ученым, просто думал... — стусевался Александр.

Вскоре он подал документы в ПТУ № 66 на Нагорной улице, а остаток лета провел в основном на детской площадке. Там были установлены лавочки и турники, а большего Пичушкину и не требовалось. По утрам он тренировался, а к середине дня сюда подтягивались старые друзья дедушки, которые трепали Сашу по голове и разрешали сразиться с ними в шашки. В шахматы с отъездом Эльмурада во дворе стали играть редко. Когда дед приезжал к дочери погостить, по старой памяти устраивали турниры, но такое случалось один или два раза в год.

— Не время сейчас для долгих партий. Все быстро происходит: ход-два и в дамках, — любил повторять Сергей Иванович, старик с водянистыми глазами. Его внук окончил тот же интернат, что и Александр, и за эти пару лет успел вынюхать столько клея, что сейчас уже не вполне походил на человека. Старик обычно с грустью наблюдал за тем, как тот корчится в судорогах на углу дома, но никогда не подходил. Пройдет пара часов, и непутевый отпрыск сам прибежит к деду с просьбой дать денег.

— Он же только за деньгами к вам бегает, — хмыкнул как-то Александр, наблюдая за парнем, который трясущимися руками прячет в карман

несколько смятых купюр. Их старик вытащил из импровизированного кошелька — белого пакета из-под молока, закрытого с помощью скрепки.

— Знаю, но боюсь, — махнул рукой пожилой мужчина, с преувеличенным интересом расставляя шашки.

— Бойтесь? Он вас обижает? Не давайте ему в следующий раз, если попросит. Я с ним разберусь, — предложил Пичушкин, не замечая, как сжались его кулаки от вспыхнувшего в нем гнева.

— Да нет. Боюсь, что не придет больше, если я деньги перестану давать, — с грустью и отчаянием проговорил Сергей Иванович.

Пичушкин предпочитал больше не поднимать этот вопрос, но презрение к внуку соседа росло в нем с каждым днем. Ему никто не давал денег просто так, никто не переживал из-за того, поел ли он сегодня и купил ли куртку на зиму, а этот тщедушный наркоман нагло пользовался добротой своего деда.

— Ты, кстати, теплую куртку купил? У меня лежит одна, внук ее практически не носил, возьмишь? — однажды спросил напарник Пичушкина по шашкам. Александру ничего не оставалось, кроме как благодарно кивнуть. Всю предыдущую зиму он проходил в тоненькой ветровке, в которой уже в ноябре было холодно.

Я УБИВАЛ, ПОТОМУ ЧТО У МЕНЯ НЕ БЫЛО ДРУГОГО ВЫБОРА. ТАКАЯ БЫЛА СИТУАЦИЯ, ЧТО БЕЗ УБИЙСТВ НИ ТУДА НИ СЮДА. ЕСЛИ ИСПРАВИТЬ МОЕ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ, ТОГДА УБИЙСТВА НЕ ПРИШЛОСЬ БЫ СОВЕРШАТЬ ЗА НЕНАДОБНОСТЬЮ. ДЕЛО НЕ В СЕМЬЕ. СЕМЬЯ У МЕНЯ БЫЛА В ПРИНЦИПЕ НОРМАЛЬНАЯ, ХОТЯ И ТАМ БЫЛИ СЛОЖНОСТИ. НО ПОКАЛЕЧИЛО МЕНЯ ОБЩЕСТВО.

Первого сентября 1989 года Александр отправился в училище, где собирался выучиться на плотника. Когда он прибыл на место, во внутреннем дворе собралось уже достаточно много народу. Одни при виде Пичушкина отходили в сторону, но были и те, кто приветственно махал рукой. Все это были его одноклассники, с которыми он учился в интернате. Незнакомых ему ребят тоже оказалось немало. Они отправились в училище примерно по той же причине, что и сам Пичушкин: надо было куда-то подать документы, а ПТУ располагалось ближе всего к дому. Хоть вставать придется не так рано.

ПЕРВАЯ КРОВЬ

1990–1992 гг.

– Одолжи три рубля до стипендии, – попросил у Александра сокурсник Михаил Одийчук.

– Точно вернешь? – поинтересовался Пичушкин. Ему нравилось одалживать друзьям деньги. Пожалуй, именно для этого он ездил по ночам разгружать вагоны и всегда был рад помочь кому-то во дворе с переноской вещей или ремонтом. Парень тратил деньги только на водку, благодаря которой у него всегда имелась компания, и на то, чтобы одалживать сокурсникам, – потом те вечно при встрече расплывались перед ним в лебезящей улыбке.

– Клянусь! – излишне рьяно затряс головой Михаил.

– Чем клянешься? Жизнь поставишь? – спросил Александр.

– Да без проблем! Кто ее только купит за такие деньги, – рассмеялся парень.

– Ну тогда доставай бумагу и пиши.

Приятель остановился и недоверчиво посмотрел на Пичушкина, но потом, не заметив никакого подвоха, все же полез в рюкзак за ручкой и бумажкой.

— Пиши: я, Михаил Одийчук, ухожу из жизни по собственному желанию. В моей смерти прошу никого не винить, — начал диктовать Александр.

На последних словах ручка, которой писал Михаил, замедлила свой ход. Парень поднял глаза на однокурсника, но потом только усмехнулся и продолжил выводить на бумаге текст под диктовку.

Такие расписки Пичушкин требовал со всех ребят, просивших у него в долг. Чтобы боялись и возвращали, как потом рассказывал он. Помимо Одийчука на это пошел еще один парень. Однако когда тот же трюк Пичушкин захотел повторить с приятелем Михаила, а затем с другим сокурсником, те отказались. Вскоре Александр превратился в чудака с последней парты, от которого все старались держаться подальше.

Михаил Одийчук поступил в училище после окончания восьмилетки. Они вместе с его одноклассником Анатолием Коломийцевым выбрали ближайшее к дому ПТУ, в котором можно было выучиться на плотника. Умение делать мебель им с другом казалось куда более полезным, чем изучение латыни или древнегреческого в университете, хотя оба могли окончить старшую школу и поступить пусть и не в очень престижное, но все-таки высшее учебное заведение. Многим такой вариант в конце восьмидесятых казался глупостью и блажью. Рабочая профессия означала стабильный доход, а вот высшее образование могло гарантировать лишь возникновение мысли об отъезде за границу, так как инженеры в те годы порой получали значительно меньше плотников. Родители Одийчука и Коломийцева рассуждали примерно таким же образом, поэтому ничуть не возражали против решения сыновей уйти из школы.

Миша и Толя дружили чуть ли не со второго класса, поэтому все были уверены, что и в училище они будут тесно общаться, но Одийчук вдруг стал все больше времени проводить с Пичушкиным, и его другу пришлось искать себе новую компанию. Толя считал Мишу своим названным младшим братом, поэтому даже когда Одийчук несколько раз отчетливо давал понять, что лучше пойдет в парк с Пичушкиным, чем отправится на очередную попойку к бывшим одноклассникам, он все равно продолжал присматривать за старым приятелем. Пичушкин с его невысоким ростом, невнятной речью и взглядом исподлобья ему всегда не нравился. Однажды Коломийцев решил занять до стипендии пару рублей у Миши, а тот предложил обратиться к Пичушкину. Толя последовал совету друга, а Саша Пичушкин ухмыльнулся и предложил сокурснику написать предсмертную записку. Коломийцев покрутил пальцем у виска, сказав, что как-нибудь переживет без этих денег. После этого случая он стал обходить стороной и Пичушкина, и Одийчука. Пару раз Коломийцев даже встречал мать Миши и, когда женщина спрашивала его, как там ее сын, с грустью отвеал, что тот с ним больше не общается. Прошло какое-то время, Анатолий завел себе новых друзей в училище и уже больше не злился на Мишу, а вот Пичушкина все равно на дух не переносил.

В ПТУ большую часть времени они занимались тем, что учились сколачивать табуретки и громоздкие советские шкафы, которые уже в те годы мало кому были нужны, но в программе курса все же оставались. Основные школьные предметы, пусть и в весьма урезанном виде, также изучались. Занятия по литературе вела еще юная и не успевшая разочароваться в профессии девушка, которая старалась привить будущим столярам и плотникам любовь к литературе. Как ни

странно, но ей это удавалось. Вчерашние подростки, еще три месяца назад ухохатывавшиеся над словом «многочлен», на ее уроках вдруг начинали рассуждать, а кое-кто даже читал заданные тексты.

— Одийчук, расскажи нам, как ты понял, почему Раскольников решил на убийство? — попросила на одном из занятий молодая учительница.

Михаил, сидевший на последней парте и выглядевший так, будто его застучали за чем-то постыдным, смутился и некоторое время озирался по сторонам, пытаясь прочитать правильный ответ на лицах сокурсников. Когда взгляд Михаила наткнулся на Пичушкина, тот с явным превосходством посмотрел на товарища и отвернулся. Он знал, как ответить на этот вопрос, но не поднимал руки. Пичушкин считал неправильным лезть на рожон, отвечать нужно, когда спросят, он же не девочка-отличница, чтобы руку тянуть.

— Ну... Раскольников решает убить старуху, — Одийчук на секунду запнулся, но, не услышав протестов после первых же слов, продолжил уже более уверенным тоном, — не из-за денег, а потому, что считает себя лучше и выше в моральном отношении, чем эта ничтожная женщина вместе с ее полоумной сестрой. По его мнению, пользы от их смерти будет куда больше, чем если старуха продолжит обирать студентов, когда те будут не в состоянии выплатить положенные по залогу проценты. Ему важно почувствовать, каково это: убить человека...

— Молодец, Одийчук, рада, что ты прочитал, — искренне похвалила учительница и собиралась уже продолжить опрос.

— Одийчук, небось, сам бабку какую-нибудь убить хочет, — выкрикнул кто-то из класса, и по аудитории прошла слабая волна смешков.

— Я, в отличие от тебя, вообще право имею, — парировал Одийчук.

— Ты кого тварью назвал?!..

Учительнице удалось прервать перепалку и закончить опрос. После занятий Пичушкин предложил сокурснику пойти выпить «на природу». Погода уже наладилась. В холодное время все обычно собирались на лестницах ближайших к училищу домов или возле труб теплотрассы. Как только погода хоть немного менялась к лучшему, учащиеся потихоньку расползались по парку: там всегда было много укромных мест, где можно устроить пикник без закуски.

— А ты не думал узнать, каково это: убить человека? — вроде бы в шутку поинтересовался Пичушкин, когда они уселись на поваленное дерево рядом с мрачными зарослями.

— Конечно, думал, а ты нет? Это просто. У меня брат недавно устроился к одному человеку вопросы решать, он рассказывал, что это просто, — развеселился Одийчук.

— Ну смотри, убьем кого — долг спишу, — ухмыльнулся Пичушкин. Одийчук непонимающе уставился на приятеля, но потом все же вспомнил о тех трех рублях, которые занимал месяц назад.

— Есть те, кто способен на поступок, а есть твари дрожащие, — произнес Одийчук, не очень-то веря своим же словам. Роман о Раскольникове он дальше сотой страницы читать не стал, но все же слышал, что герой долго мучился от угрызений совести.

— Что при этом чувствуешь? О чем думаешь? Вот это я понимаю — вопросы. А как все повернуть, это уже детали, — отрезал Пичушкин.

В таком ключе продолжался разговор весь вечер. Поначалу они долго обсуждали, какие способы убийства предпочтительнее, а потом их мысли переключились

— А ты не думал узнать, каково это: убить человека? — вроде бы в шутку поинтересовался Пичушкин, когда они уселись на поваленное дерево рядом с мрачными зарослями. — Конечно, думал, а ты нет? Это просто. У меня брат недавно устроился к одному человеку вопросы решать, он рассказывал, что это просто, — развеселился Одийчук.

чилились на то, кого выбрать на роль первой жертвы. Их внимание привлекла красивая девушка, которая сидела на лавочке и курила уже третью сигарету подряд.

— Посмотри на нее, будущая мать, — скривился Александр и потянулся за пачкой сигарет.

— Да, такие жить не должны, это ты прав, — ухмыльнулся Михаил.

Спустя еще минут пятнадцать девушка, то ли отчаявшись кого-то дождаться, то

ли смутно почувствовав опасность, все же поднялась и скрылась за деревьями, а молодые люди допили бутылку водки и поплелись к выходу из парка. С этого дня Михаил и Александр сдружились и после занятий стали частенько вместе ходить в парк «прогуляться». Иногда они отправлялись туда вместо занятий и практически весь день обсуждали, заслуживают прохожие жизни или нет. Обычно они сходились на том, что не заслуживают. Зброшенный, усеянный мусорными кучами Битцевский лесопарк привлекал маргинальных личностей. Сюда приходили, чтобы выпить, купить наркотики или провести время с девушкой, если никакой другой возможности уединиться у пары не было.

БИТЦЕВСКИЙ ЛЕС СОЗДАН ТОЛЬКО ДЛЯ ДВУХ ВЕЩЕЙ — ДЛЯ УБИЙСТВ ИЛИ ДЛЯ ЛЮБВИ. ДЛЯ ДРУГОГО ОН НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕН.

Огромный лесопарк служил прибежищем самых темных тайн и секретов. За людьми, которые старались эти тайны и секреты здесь прятать, можно было наблюдать одновременно с интересом и брезгливостью. Так вышло, что обоим парням, кроме Битцевского парка, пойти было некуда. Мать Пичушкина только и ждала, когда сын найдет наконец девушку с квартирой и уедет из дома. Одийчук тоже без конца ссорился с родителями, но, конечно, никакой возможности от них съехать у него не предвиделось. Единственным способом почувствовать свободу для них оставался поход в лесопарк с его окрестностями. Они знали все близлежащие магазины, где продавался алкоголь в кредит, все подходящие детские площадки и лавочки, на которых можно было сидеть часами, а лучше — днями и ночами. Иногда сокурсники звали их на вечеринку в чьей-нибудь пустующей квартире или на даче, и тогда удавалось несколько дней, а то и неделю провести вне дома. Но потом Александру все равно приходилось возвращаться в малогабаритную двушку, где вечно кто-то спал на его кровати, брал его вещи и даже иногда расставлял дедушкины шахматы, хотя навряд ли умел в них играть.

Ни дома, ни в училище Александр не имел возможности поговорить с кем-то о прочитанных книгах или об увиденных фильмах. Когда-то в детстве таким человеком для него был дед, но он уехал и теперь лишь изредка появлялся в жизни внука. Сокурсники по большей части сторонились Пичушкина после того, как Коломийцев с еще одним парнем рассказали о предсмертной записке в обмен на деньги. Александр честно отдавал расписку всякий раз, когда человек возвращал ему долг, но делать это никто не спешил. Вернув же деньги, продолжать